

ЗА ОЛЕНЕМ С РЮКЗАКОМ

КАК ЛУЧШЕ ВСЕГО ДОБЫТЬ ТРОФЕЙНОГО
ЧЕРНОХВОСТОГО ОЛЕНЯ? ЗАБРОСЬТЕ ВАШ
ЛАГЕРЬ В РЮКЗАКЕ ЗА СПИНУ И ДВИГАЙТЕ
ТУДА, КУДА БОЛЬШЕ НИКТО НЕ ЗАХОЧЕТ
ПОЙТИ

УОЛТ ПРОТЕРО

Ты, часом, не рановато, а? Так-этак на месяц, разве нет?» – когда Чери скрещивает руки на груди и задаёт риторические вопросы, то у меня – проблема.

Стоит середина сентября, бабье лето, листва обрела кроваво-алый, припорошенный золотой пылью цвет, и эти листья всегда будоражат мои желания. И она меня тоже «достаёт». Ну да, до открытия сезона охоты на оленей ещё пять недель. Независимо от её логики, я выхожу на тропу в свои олени

охотничьи угодья пораньше в каждый сезон, а в 2012 году – и вообще рекордно рано. Мне просто не терпится дожидаться этих голливудских восходов солнца, заливающих своим сиянием горные хребты, шашлыков над костром из валежника в лагере и поиска оленей в оптику на рассвете. Я чувствую себя, словно ребёнок на Рождество.

Чери напирает: «А вот что случится, ежели буран опять снесёт твой лагерь, а то и очередной медведь прихлопнет его? Вообще-то, эта

палатка обошлась нам в полтысячи долларов». Как же, как же, — она ничего не забывает.

Я пожимаю плечами, за-пихиваю свою трёхфунтовую палатку модели Sierra Designs Flashlight в свой рюкзак марки Lowe Expedition объёмом в 7000 куб. дюймов с внутренней ра-мой и стараюсь пропускать мимо ушей её рассуждения. Я же вернусь оттуда, из лагеря,

пока не откроется сезон охо-ты, и буду выходить на разведку в выходные.

«У меня преподавание в поне-дельник, так что вернусь в вос-кресенье. Без проблем». И я за-тыкаюсь, поскольку вовсе не хочу торжествовать победу по этому поводу.

«Да катись ты», — фыркает она и, крутнувшись на каблучках, выскакивает за дверь, которая

не успеваешь, закрываясь, хлопнуть её по «пятой точке».

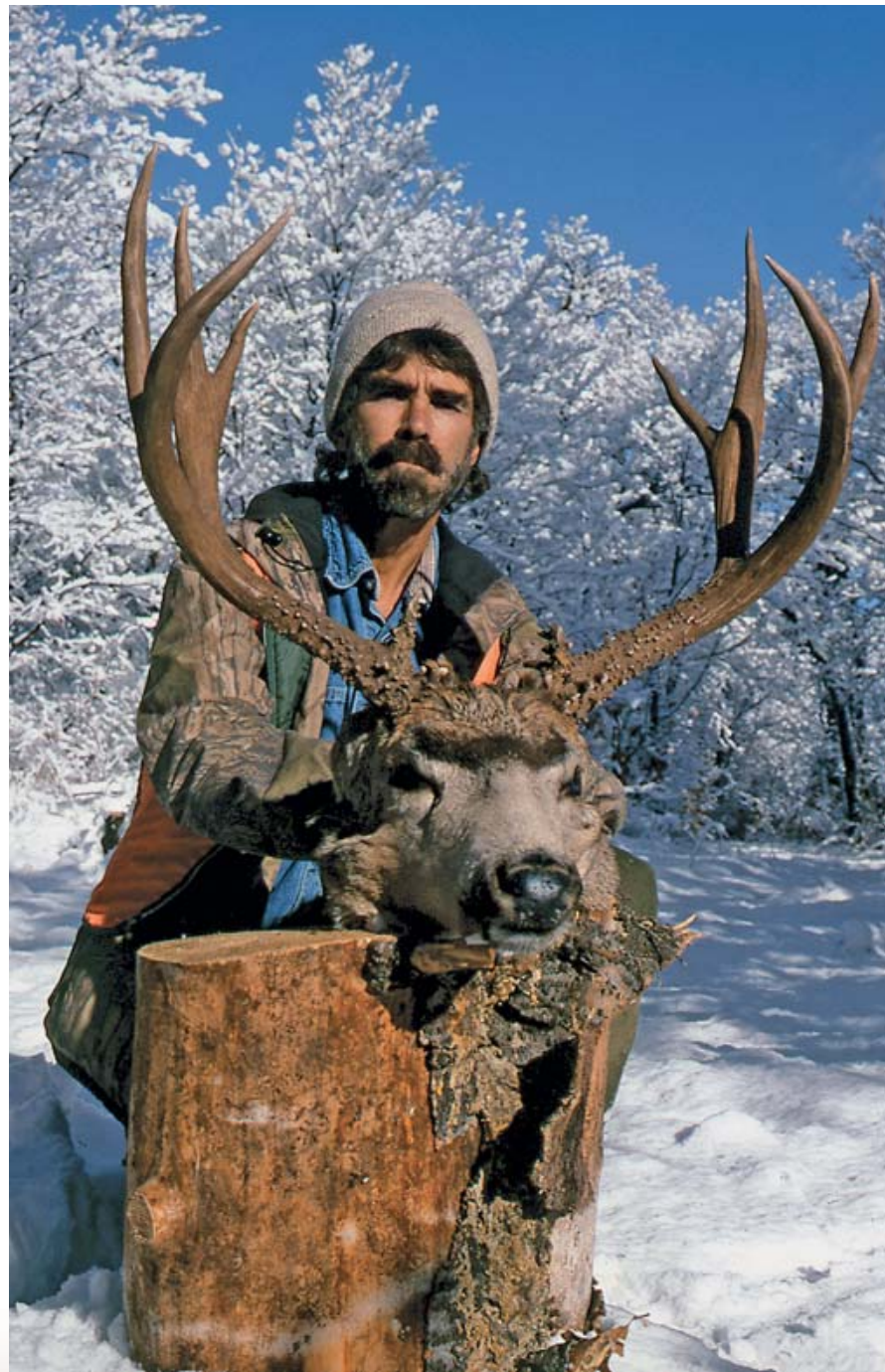
А вот это происходит многие годы назад. Баско Жак возвыша-ется на своём колченогом сивом мерине. «Та-ак. Стало-ть, ты хошь знать, иде тут балшой олень?» — вопрошает он со своим баскским акцентом, снимая «боту» с луки седла и делая добрый глоток до-машнего винца из черёмухи. От-ара его овец теснится вокруг нас.

«Н-ну ладно, малый». Я раз-менял уже шестнадцатую весну и был готов окунуться в неведо-мое приключение на своей пер-вой ходовой охоте с рюкзаком, полным консервами из свини-ны с бобами и со старой ско-вородой, которую я прихватил из кухни. Самостоятельно. Соло, так сказать.

«Езжай на папкином джи-пе по этой дороге, пока можёшь, а потом чеши вперёд аж до тем-ноты, а потом и поспи. Вот там они того ... и будут».

Там они и были. На второй день я завалил классического быка на 32 дюйма. По необходи-мости я научился на этой охоте также разделке и обвалке мяса оленя; чай, не бином Ньютона; скорее, просто отделение мяса от костей, которые потом вы-брасываются. Припомнил одну статью нашего старого доброго Теда Трублада, писателя-натура-листа — тоже помогло. Понятное дело, никому не хочется таскать больше, чем необходимо. Так что, поскольку увесистые кости могут натрудить вам спину, не носите лишнего.

«Корошо. Эт ты болшого быка завалил», — заметил Жак, ког-да я пёр упаковку с олениной в джип. Он подал мне «боту» с че-рёмуховым вином, и я отхлебнул изрядный глоток. То, что не про-лилось у меня по подбородку, заставило мои уши пламенеть. И я поморщился, поскольку ни-кому не стоит пить что-либо

Протеро преследовал этого огромного быка много миль, пока не догнал его

Ещё один отменный чернохвостый олень, взятый на охоте с рюкзаком

с «черёмухой», от которой пере-хватывает дыхание.

И, хотя я добыл, возможно, около двухсот чернохвостых оле-ней и семьдесят пять трофейных быков старше 4,5 лет за несколь-ко десятилетий, в трёх странах и шести штатах, но голова это-го быка всё ещё висит у меня на стене. Лучшие быки также были взяты мной, когда я бродил с лагерем в рюкзаке за спиной, и, помимо чистого удовольствия, ходовая охота с рюкзаком — это наиболее эффективный способ добыть трофейных оленей.

На следующий сезон ов-чар Жак нацелил меня на район ущелья. «Там никто не охотится. Шибко уж крутые склоны, — объ-яснил он. — Старина Пит Нельсон, эт он там пушнину промышлял. Этак году в 1940-м. Да там ишо и хибарка его ошамшись».

Побывал я в той хибар-ке. На её крышу рухнула ель, по земляному полу мела снежная

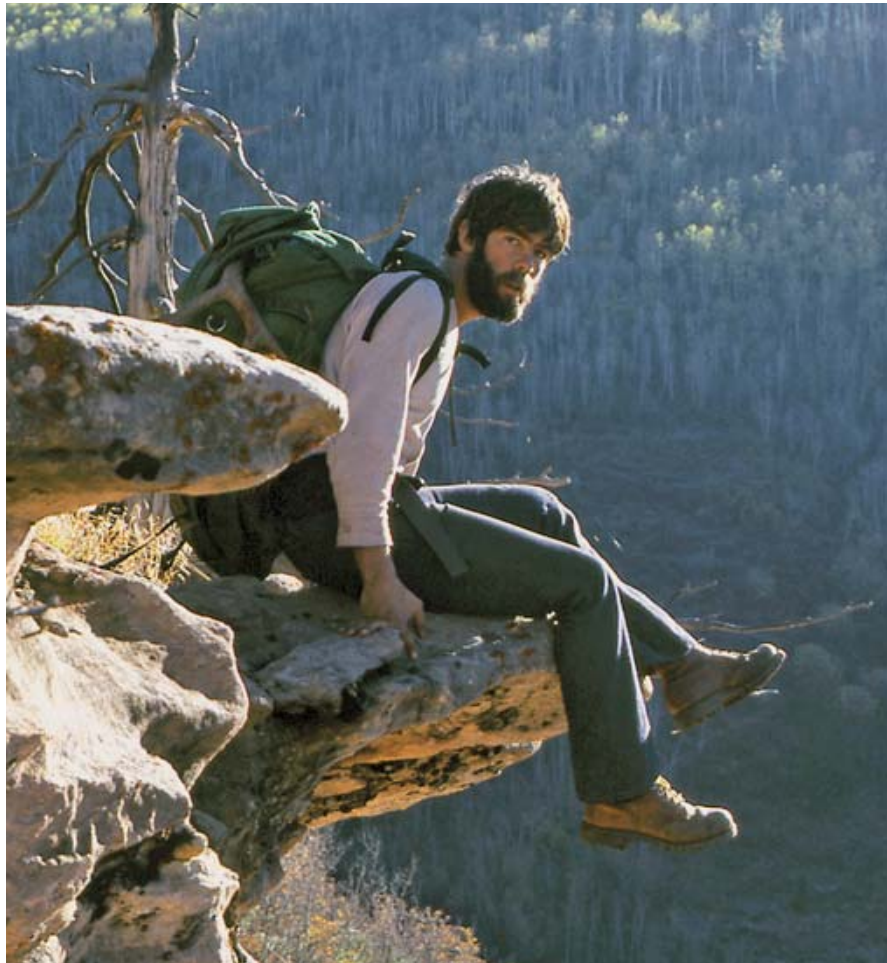
позёмка, окно вывалилось, дверь сгнила, а ночью у меня по лицу шастали какие-то грызуны и по-трошили мой рюкзак. После этой ночи я перенёс свою стоянку к ручью.

Олени бродили по склонам надо мною, и я разглядывал их в оптику со скалы за стоянкой. Мне удалось взять отменного шестилетнего быка, и я обвало-вал мясо, а затем волок его и всё прочее добро из ущелья добрых десять часов. Напряга вполне хватало для того, чтобы любой отка-зался бы от походов с рюкзаком, но я вернулся туда и на следую-щий год, да и потом ещё не раз. Ну, что уж тут уж?

Через пару лет я уже не та-скал с собой никаких консервов, а харчи готовил себе при помо-щи лёгкого алюминиевого по-ходного кухонного комплекта марки Boy Scout. Нёс я и облег-чённый провиант — макароны Ramen, только что появившуюся

сублимированную провизию, рис, вяленое мясо. К тому же я приобрёл трёхфунтовый спаль-ный мешок и укладывался почи-вать в пещерах или под раскиди-стыми лапами елей, так что мне не нужно было тащить с собой палатку. В ту пору непромокае-мые палатки были весьма тяжелы. Вдобавок я добывал матёрых бы-ков, и именно это было настоя-щей причиной того, что я носил с собой лагерь на спине.

В основном каждый сезон я осваивал новую географию из непоседливости. Я также уз-нал, что не всегда удаётся добы-вать трофейное «золото». Время от времени я решал отправить-ся за упитанным мясистым бы-ком, хотя и было уже пора добы-вать трофей. Но такова уж охота. И это не обескураживало меня, поскольку математика говорит, что у тебя больше шансов добыть Кинг-Конга с рюкзаком на плечах, ежедневно меняя место ночлега,

Некоторые из прибежищ чернохвостых оленей настолько труднодоступны, что единственный способ пробраться туда – так это только пешком

чем охотясь с тропы в компании дюжины таких же красных рубашек. Крупным быкам не по нраву толпы с оружием, так что они норовят забраться в самые труднодоступные места, известные им. И вам, и мне потребуется рюкзак, чтобы туда добраться.

Вот в этом-то всё и дело. Основная предпосылка успеха всех охот на чернохвостого оленя с рюкзаком за спиной в том-то и заключается, чтобы оторваться от толп охотников с пушками наперевес. И чем дальше – тем лучше. Но я не имею в виду вообще-то, что только до соседнего каньона. Ведь если вы способны слышать шум и гам от этих парней в красных рубашках, то и лобый бык тоже, и тогда он исчезнет.

Однажды, накануне открытия сезона охоты, я наблюдал за великолепным матёрым быком,

находившимся за отдалённой тропой, годной только для джипов. Он пробирался вниз по склону, на дно каньона сквозь самый густой кустарник, который он только смог отыскать, а через милю потрусил вверх по большой расщелине, пониже моей стоянки, выбрался на ровное место и направился к ущелью длиной в четыре мили, где не было дорог или троп. Этот бык слышал неумолчное жужжание квадроциклов на тропе полудни, словно там была туча мошки. А для матёрого быка именно вот это жужжание-тарыхтение куда хуже, чем рой мошки. Матёрым быкам известно, что квадроциклы могут двигаться и вне дорог и троп, пробираясь в такие места, куда не пробиться пикапам и джипам. Так что при первом же чихании моторов квадроциклов олени покидают эту местность.

Кстати, я преследовал этого быка почитай что трое суток. Я взял след на рассвете первого же дня открытия сезона, шёл по нему весь день, обнаруживая, где он рыскал в зарослях кустарника, где скинулся в поисках безопасной лёжки, и к вечеру покрыл пару миль. Возвращение в лагерь заняло три четверти часа. На следующий день я продолжил преследование от того места, где закончил вчера, и двигаясь по следу оленя, пытался понять, куда же он направляется.

К вечеру на следующий день, увидев, как огромные следы кружат и выписывают петли в густых зарослях черёмухи на крутом склоне, я загнал патрон в казённый своей винтовки калибра .270. Петли эти свидетельствовали о том, что он ищет место для лёжки, и следы обсохли ещё только по краям. Бык взметнулся вверх из высокой спутанной травы, бросился вниз по склону, бухнулся в ручей и ракетой вылетел на противоположный склон. Напряжённое трёхдневное ожидание, словно шарик пейнтбола, взорвалось перед моим лицом, и я промазал вчистую первый выстрел, но вторая пуля между лопаток завершила дело.

Нет, технически это не была охота с рюкзаком, хотя я его и использовал, чтобы вытянуть мясо и трофей из этого ущелья. Если бы я не заметил этого быка заранее, то мне потребовался бы лагерь в рюкзаке, чтобы отыскать его. Ведь я и принёс своё снаряжение в рюкзаке именно для этого. Эта голова до сих пор тоже висит у меня на стене.

Впрочем, не позволяйте мифическим знаниям об оленях ввести вас в заблуждение. Трофейные быки предпочитают недоступный ландшафт, так что ищите их в местах с максимальной крутизной, покрытых самыми густыми зарослями. Не тратьте время на поиски того, что, как говорят, олени употребляют в пищу, поскольку они кормятся всем, чем только можно.

Давным-давно, когда я принимал участие в длительном, двенадцатилетнем биологическом исследовательском проекте, в результате которого появился ряд статей и одна книга, я наблюдал в течение 35 минут за парой пасущихся быков. При помощи своего пятнадцатикратного бинокля я узнал, что они поедали почти каждое растение, что было на виду. И, когда я начал пересчитывать только что сорванные стебли и листья, то там обнаружился 21 образец различных трав, кустарников и деревьев. Они всегда найдут себе обильный корм.

Точно так же чернохвостым оленям нет нужды в водных источниках. Нет, они, разумеется, воспользуются ими при их наличии, но некоторые из них, обитающие в пустыне, могут не пить воду круглый год. Они получают влагу из растений, которые употребляют, и я не раз, даже и на севере, наблюдал за чернохвостым

оленем, который переворачивал камни и лизал водяной конденсат с обратной стороны.

В отличие от нашего комика Родни Дэнджерфилда, мне не везёт. Как правило. Как-то раз после двухнедельной охоты на снежных баранов на русском Дальнем Востоке я поднялся на борт рейса «Аэрофлота». Он был полон дам, направляющихся из Хабаровска в Сеул, чтобы заработать годовую зарплату за пару недель. Так место моё там оказалось рядом с единственным другим мужчиной на борту, фермером-картофелеводом Борисом. Вот ей-Богу.

Нет, иногда всё получается. Три часа ходьбы от двери моего жилья, и я стою в центре самого неприступного, заросшего густой растительностью и немеряной крутизны ландшафта в штате. И после того как я скинул рюкзак, водрузил палатку и запалил костерок из валежника, – вот

я и дома. Не то чтобы это было слишком здорово, но, когда ветер дует в определённом направлении, то до меня доносятся звуки трансляции матчей со стадиона Уайлдкэт и громохание товарняка из каньона Вебер. Дело здесь в том, что хорошие уголья для оленей должны быть только достаточно недоступными, чтобы другим охотникам не захотелось бы там пошарить.

После стольких лет выходов из дома в полусонном состоянии, в четыре утра, чтобы добраться до гор на рассвете, я сообразил, что надо делать – да просто ночевать на этих горных хребтах. Я разбивал свой лагерь там, за мотоциклетной трассой лесничества, с которой все охотятся, пробираясь сквозь подлесок дубравы и цепкие заросли ладанника, над известняковыми скалами, теперь уже шесть лет подряд. Постучите снова по этому дереву – пока что

Охота в ЮАР, Зимбабве и Мозамбике

Любые трофеи, включая Big 5. Любые охоты – от бюджетных до VIP!
Не беспокойтесь больше о языковом барьере – наши PH говорят на русском языке!

Приглашаем Вас на наш стенд В90 на выставке «Оружие и охота» с 10 по 13 октября 2013 г. (Москва, Ильинка, д. 4).
Специально для выставки – несколько предложений бюджетных охот в ЮАР!

Наши контакты в ЮАР:
+27825884852 (Ilse);
+270763537508 (Leon);
jprohunt@yahoo.com

Наши контакты в России:
huntersev@mail.ru
(Евгений)

www.joubert-prohunt.com

я в полном порядке. Мне удалось добыть все мыслимые «Шлемы», и более 150 трофеев крупной дичи со всей планеты заполняют мой дом, включая белых медведей, слонов, львов и барана Марко Поло. Независимо от этого, моя любимая охота из года в год – это побродить за трофейным чернохвостым оленем.

Иногда Чери помогает и поощряет. В 2011 г. мы вышли с лагерем в рюкзаках на выходные, за неделю перед открытием сезона, и наблюдали за оленями в оптику, жарили цыплят на углях из кленового валежника и прихлёбывали что-то покрепче, сидя ночь-заполночь перед пламенем костра. Оленей мы тогда тоже засекли немало.

Мы снова туда вернулись на следующие выходные, и она обнаружила в оптику отменного быка утром первого дня сезона в полумиле от лагеря. Проблема была в том, что бык воткнул свои рога в подрагивавший кустарник и не дал мне возможности рассмотреть их, пока он не крутнулся на месте и не испарился прежде, чем я смог выстрелить. «Это ещё только утро первого дня сезона, – мелькнула у меня мысль. – Так что утомись уже».

Я бродил семь дней на охоте, и был настолько доволен, что только на седьмой день мне пришло в голову, что в моём холодильнике отсутствует оленина. Я подстрелил одного из стайки трёхлеток, шустрых быков, что я заметил раньше. Разделать и упаковать этого бычка – не пустячное дело, да оно таким никогда и не бывает, но я начисто забыл об этом этапе, когда вгрызся в первую филейную отбивную средней прожарки.

После этой размолвки на пороге в 2012 году, я проводил все выходные, осуществляя поиск из своего лагеря. Я никак не мог насытиться этими закатами в духе

фильмов Джона Хьюстона, ароматом древесного дыма или раскатами грома за горным хребтом.

В предрассветных сумерках первого дня открытия сезона я спустился с горы, обогнул заросший кустарником отрог и понаблюдал в оптику. Затем вскарабкался на скалу, в джунгли зарослей пониже лагеря. Вернувшись в лагерь, я поворошил угли и подогрел воды для кофе и обезвоженного омлета, слопал фруктовый салат, сменил бельё и направился к югу от отрога. Шёл и думал: «Н-ненавижу этот каньон». Шириной он в 500 ярдов и зарос настолько, что рассмотреть что-либо невозможно. Но ещё слишком рано отказываться от поиска.

И, когда я проламывался через спутанные заросли дубняка, тут-то и засёк Кинг-Конга на лёжке в одной из двух прогалин в зарослях на склоне, и далеко через каньон.

«О-с-споди Иисусе, – пробормотал я. – Да вы только поглядите на него!».

Охотясь с рюкзаком, я беру только самое необходимое снаряжение, так что никогда не таскаю с собой всякие технические прибамбасы, включая и дальномер. Я так-этак прикинул расстояние до оленя – ярдов 600, плюс-минус. Сполз в ущелье, начал карабкаться вверх по склону через спутанный дубовый подлесок и снова посмотрел в оптику. Бык совершенно ничего не подозревал, поскольку никто и никогда его и не беспокоил в этой глуши.

Стрелять вниз по склону сквозь листву кленового леса – дело невозможное, и мне надо было сократить дистанцию. Ну да, стрелять на 600 ярдов, в общем-то, допустимо, – для фанатов «техно» с цифровыми оптическими прицелами и снайперскими винтовками. Но для нас, остальных, надо бы подобраться поближе. В конце концов, в преследовании весь и кайф.

Я сполз пониже по склону в кленовый лес. Пройдя полпути,

понял, что толку в этом нет, так что вернулся назад, двигаясь вверх по склону. Близ линии хребта отыскал прогалину и прикинул расстояние – около 450 ярдов. Бык был всё ещё спокоен. На крутом склоне стрелять из положения «лёжа» – не вариант. Хилый молодой дубок в качестве упора давал возможность произвести если и не надёжный, то уж хоть, по меньшей мере, вероятный выстрел. Я слишком долго тарачился через прицел на эти великолепные рога, и меня начало уже потряхивать от возбуждения в результате «оленьей лихорадки». Дважды я менял позицию для стрельбы; дважды убеждался, что в казённом моей винтовки калибра 7mm-08 есть патрон, хотя я только что передёрнул затвор; затем попытался извлечь ресничку из глаза, которой там и не было. Что-то ползло, блин, мне в ухо, а в носу свербило.

Когда трясушка отпустила, и я свёл себя в то отстранённое состояние, из которого надо стрелять, а перекрестье прицела застыло высоко над линией корпуса быка, я нажал спуск своей винтовки калибра 7 mm-08. Бык сиганул с лёжки и уставился куда-то позади себя; 120-грановая пуля шмякнулась в грунт над ним. Я опустил перекрестье пониже и снова нажал на спуск. Бык прыгнул вверх по склону, сторбился, а затем шатнулся в рощицу дугласовой ели, прежде чем я смог выстрелить снова.

«Тэ-эк-с», – протянул я.

Потребовался целый час, чтобы продрасть сквозь заросли туда, где, как я предполагал, должен был быть бык. Но, хотя я рыскал там добрых три часа, я так и не смог обнаружить ни единой капли крови, ни волосков шерсти, срезанных пульей, или изрытой земли. Я повесил свою оранжевую шерстяную охотничью кепку на ветку для ориентира и побрёл в лагерь, согнувшись долу так низко, как только могут охотники с лагерьем в рюкзаке за плечами.

На стоянке я разворошил угли и плеснул себе добрую толику виски «Катти Сарк» в свою «счастливую» голубую фаянсовую чашку, потирая её, словно Аладдин.

«Ну, ладно, – сказал я себе. – Он ранен. Ты видел, как он сторбился, слышал шлепок пули, видел, как он зашатался. Надо же ведь вернуться назад. Полазай на полмили на восток, спустись по склону на десяток ярдов, а потом прочеши ещё с полмили назад, на запад. Ну, и повторяй такую схему до самого дна. Должен же он там быть».

Я плеснул себе ещё дозу и разогрел сублимированный провиант из рюкзака – рис с чем-то там, как я полагаю, и попытался заснуть. На рассвете я двигаюсь на юг вдоль отрога, с биноклем в моём кармане. Я вижу в него свою оранжевую кепку, и это внизу по склону и слишком далеко на запад от места лёжки быка. Я проламываюсь к кепке и ещё дальше, и занимаю позицию для наблюдения в оптику,

опираясь локтями на колени. Ни-че-го нет. Я продираюсь сквозь джунгли на склоне в направлении востока, съезжаю вниз по заросшему колючками холму где-то на десяток ярдов, а затем топаю с полмили по склону назад, на запад, и потом повторяю всю эту эпопею. Я изучаю каждую оленью лёжку, ползая на четвереньках в поисках капли крови или кровавых пятен. Я измочален и исцарапан до крови, а к полудню – нахожусь на полпути вниз по заросшему склону и с нулевыми шансами на успех.

«Держись», – убеждаю себя. Ведь план выглядел таким логичным там, у костра. Но я начинаю терять веру.

«Ну же, пошёл!» – понукаю я себя.

Я уже около дна и потерял счёт времени, когда замечаю что-то необычное, полузасыпанное, внизу на склоне, в молодом осиннике, заметённом снегом. Загоняю патрон в казённый винтовки – так,

на всякий случай. Но пока я не погладил рога, я не мог понастоящему поверить в это.

«Разбираю» трофей и беру, сколько могу, мяса домой на ужин. Решаю вернуться через пару дней, дабы забрать оставшееся мясо и лагерное снаряжение.

Тут есть одна проблема в походах с рюкзаком. Ты живешь так близко к природе, что её изменения всегда воздействуют на тебя. На следующий день пошёл снег и сыпал три дня без перерыва, навалив слой почти в метр. Когда я пробился к лагерю, то откопал свою палатку снегоступом. Ткань её была порвана, а стойки сломались. Мне удалось выручить только лишь спальник мешок.

Я пытаюсь философски отнестись к этому, но меня напрягает встреча с Чери лицом к лицу. Я уже сейчас слышу её голос: «Так, это уже третья палатка за тобой. И когда же это закончится?»

И я вряд ли отвечу ей прямо: «Да никогда!»

Протеро и его лагерь 2012 г. на чернохвостого оленя на просторах Юты